

Е С Л И Т Ы Х О З Я И Н...

ЗАМЕТКИ КРИТИКА

Есть писатели, на которых привыкаешь смотреть с надеждой и от которых ждешь многого. Ждешь, зная, как несуетно и ответственно их отношение к слову, как чутка и неуступчива их гражданская совесть. Голос таких писателей, даже если он и лишен трибуной громкости, обладает какой-то особой силой внушения, духовной весомостью и внятен сердцу народа. Народа, о котором и для которого пишутся книги. «Говорить ради себя художнику не пристало» — вот творческая заповедь одного из таких писателей. Имя ему — Валентин Распутин.

В свое время, с грустью распрощавшись с уходящей под воду островной Матерой, он пообещал вслед за ее жителями «переехать в новый поселок и посмотреть, что станет с ними там». В недавно опубликованной повести «Пожар» упоминаний о Матере нет, и поселок тут не совхозный, а леспромхозовский, «неуютный и неопрятный, и не городской, и не деревенского, а бивуачного типа». И тем не менее — без особой натяжки — можно посчитать новую вещь Распутина выполнением данного им обещания. Дело происходит все на той же Ангаре, и люди в поселке Сосновка — из тех деревень, что два десятилетия назад оказались, как и Матера, в зоне затопления.

«Пожар» заставляет вспомнить давнее уже наблюдение, что по своему сюжетному построению повести Распутина бесхитроустны, как притчи. Событийная канва тут и впрямь незамысловата... Только-только успели мы свести первое, можно сказать, шапочное знакомство с водителем лесовоза Иваном Петровичем Егоровым, бросить беглый взгляд на его дом, как крики: «Пожар! Склады горят!» заставили нашего героя, забыв о еде, поспешить к месту происшествия. Перед расцветом с пожаром будет покончено, а вслед за тем и автор поставит точку...

Не только по сюжетному рисунку, но и по размерам нынешняя работа Распутина более чем скромна. Но в литературе не все художественно, интеллектуально емкое — обязательно объемисто. Не взялся бы с полной уверенностью утверждать, что как явление искусства это сочинение совершеннее, внутренне гармоничнее, чем, скажем, «Последний срок» или «Живи и помни», прочно вошедшие в читательское сознание. Тут о другом хочется сказать: о редкой открытости, обнаженности гражданского пафоса автора, о резкости света, брошенного им на те негативные явления, против которых мы поднялись ныне всем миром. И еще о том, что в центре этого произведения, побуждающего напряженно размышлять о роли человеческого, морального фактора в делах общества, — характер не только глубоко народный, но и по всем признакам положительный (хотя сам-то писатель, кажется, не очень жалует это литературоведческое понятие).

Пожар, охвативший орсовские склады в Сосновке, — не просто негаданная, как снег на голову свалившаяся, беда. Он — огненный знак неблагополучия, накапливавшегося в здеших местах исподволь и достигшего, словно давление в паровом котле, критической отметки. Да и возник он, этот пожар, по всему видать, не без чьего-то дальнего прицела. Поселковый люд пришел сначала в немалое замешательство — «не нашлось, похоже, пока никого, кто сумел бы организовать его в одну разумную твердую силу, способную остановить огонь». Да и откуда ей взяться, этой «разумной твердой силе», там, где не только между руководителями и подчиненными, но и среди всего поселкового народа нет ни лада, ни согласия и ни в чем не чувствуется настоящего хозяйского глаза?

Помнится, как Степан из «Последнего срока», большой затейник по части выпить-закусить, войдя в застольный раж, возглашал: «Во всяком раже, я тоже государственный, а не какой-нибудь первобытный человек». Вот и возле пылающих складов обнаружилось таинное «государственное», что перво-наперво взялись вызывать из огня бутылки со знакомой налейкой и взбадривать себя их содержимым. А иные исхитрились — раз такой случай! — разжиться и другим орсовским добром. То что в этом замечены были залетные «архаровцы», племя, неподотчетное совести, — никому не в диво. Но отчего мародерским этим промыслом прельстились иные из «своих», деревенских? Вот что больше, чем являющееся пламя, обожгло Ивана Петровича. Он-то «всегда старался жить по совести». И здесь, на пожаре, верен себе — лез в самое пекло, хватался за что потяжелее да нужнее, и думать забыл о своей черной немочи, о своем изношенном сердце. А рядом чувствовал надежное плечо Афона Бронникова, на которого, как мы понимаем, можно положиться в любом добром начинании, при любой напасти.

Признаться, мне, читателю, не всегда интересно следовать за автором там, где он, вновь и вновь являя искусство словесной живописи, вкладывается в изменчивую физиономию огня, в мельчайших подробностях рисует его яростно недобрую работу, хотя и понимаю, что пожар есть как бы заглавный герой этой повести. Но любопытство мое к алчности огненной стихии куда меньше, чем к тому же свойству, скажем, однорукого Савелия, зрелого

по возрасту, но увечного душой человека, припрятывающего в свою баньку мешки с казенной мукой.

И впрямь много должно было укорениться нездорового в леспромхозовском поселке, сместиться в понятиях его людей, чтобы такие, как Савелий, не погнушались и мирскую беду обернуть к своей корысти. В трудных думах о превратностях своей судьбы, о том, чему бывал свидетелем в поселке, Иван Петрович не раз и не два задавался вопросом, как и почему свернула жизнь на ту колею, где то, что «было не положено, не принято, стало положено и принято, было нельзя — стало можно, считалось за позор, за смертный грех — почитается за ловкость и добродетель».

Он с горечью замечал, как из вчерашних сельчан, потомственных пахарей, по роду своих занятий уже ничего не взращивавших, ничего к щедротам и красе отчей земли не прибавлявших («Яес вырубать — не хлеб сеять...»), словно бы выветривались дух доброй артельности, чувство ответственности за ход общих дел, за самый образ своей жизни. Тут обнаружили свою губительную силу занужденность требований к людям и людей к самим себе, их постепенное привыкание к тому, к чему привыкать никак нельзя. Например, к неряшливости, по существу хищнической, без загляда в завтрашний день рубке леса («План — любой ценой»), к пьянству, рвачеству и многому другому. И уже не удивляешься, что при таком нравственном климате Иван Петрович, этот истовый правдолюбец и «законник», не только разбойным «архаровцам», взявшим большую власть в поселке, но и иным из местных встал поперек горла, и они не упускают случая напасть на него...

«Пожар» — произведение, где наряду с событийным началом свой «сюжет» имеет и движение мысли. Мысли многогласной и вместе с тем целеустремленной (попробуй тут отделить голос героя от голоса автора!). Мысли, то непосредственно вырастающей из перипетий борьбы с пожаром, то идущей — в своем публицистическом заострении — поверх действия, вырывающейся на простор социально-исторического, духовного бытия народа. И хотя в иных случаях этот второй, мыслительный «сюжет» грешит заметной сконструированностью, тяготеет к патетике в чем-то неожиданных для Распутина и, признаться, трудно усвояемых уподоблений («Ты и они. Ты — властелин, несущий в теле своем, как в царстве, все его города и веси, все установления и связи, все пороки его и славу» — таков, к примеру, тон размышлений о «местонахождении», взаимосвязях совести, воли, памяти, желаний в «хозяйстве» человека, их отношении к его разуму) — в нем все-таки важно то, что пытается он реальной жизнью народа, его вполне земными заботами.

Где оно, стабилизирующее личность, а тем самым и общество, начало, то начало, которое не позволяет сползать с уже завоеванных нравственных позиций, утрачивать ощущение возмездия между добром и злом, между правдой и кривдой, между сиюминутной выгодой и непреходящим истинным благом народа? Мысль автора и героя жаждет пробиться сквозь завалы противоречий к некоей конечной формуле человеческого бытия. Формуле, в которой были бы сопряжены бесценный опыт, мудрость поколений и воля, свободный выбор личности; природный и социальный мир, окружающий человека, и космос его души. Читатель повести не может не заметить, каким философски многозначным, ключевым стало понятие «дом» в духовно-нравственных исканиях главного героя, столь дорогого сердцу автора. «Чтобы человеку чувствовать себя в жизни сносно, нужно быть дома». Быть дома — значит быть там, где ты хозяин, а не постоялец. Значит ходить по земле, с которой ты связан родовыми корнями, где тебе до всего есть дело. Значит жить с людьми, за которых ты в ответе и которые в ответе за тебя. И потому дом — это еще обитель души, живущей в согласии с собой, с миром людей и природы.

Характер и обстоятельство... В этом диалектистском двуединстве Распутин-художник делает упор на первом слагаемом. Он исповедует нравственную, социальную активность личности. Это его слова: «Слишком много мы перекладываем на плечи общества, освобождая тем самым человека от необходимости отвечать за себя». Стоит заметить, что в «Пожаре» нет начальственной фигуры, которой бы — по законам поэтического правосудия — был предъявлен счет за неурядицы и упущения. И Ивана Петровича переполняет «злость только на самого себя». Не о своей человеческой малости помышляет он, оказавшись в тисках неблагоприятных обстоятельств, а о том, что при всей своей правильности, видно, все-таки недодал что-то общему делу, не сделал какого-то, может, самого последнего взноса, если опасно отяжелела на весах жизни чаша зла... Примирилась со злом, капитулировала перед ним — духовная смерть

личности. Быть честным только для себя — мало. Надо быть бойцом, воителем за правду. Стоять там, где затронут общий, государственный интерес, до конца. Так, как, к примеру, добровольный страж общественного добра, чистая душа дядя Миша Хампо, в суматохе пожара убитый мародерствовавшими «архаровцами».

В такой постановке вопроса видится мне острая современность проблематики повести, ее гуманистического пафоса. Здесь один из тех пунктов, где проза Распутина, учительная по самому естеству, решительно расходит с бескрылой, этически беззаботной беллетристкой, что барахтается в потоке повседневности, не ощущая, да, пожалуй, и не стремясь ощутить твердь нравственных берегов. «Такова жизнь!» — вот последнее слово литературы этого пошиба, обуживающей, морально оскопляющей личность. Для Распутина «нетвердость и малозначительность духовных позиций» — неисконный грех художника.

Может показаться, что бремя вины, которой казнится Иван Петрович, не вполне соизмерено с сутью, образом жизни этого человека, «державшегося правды как закона». Это так, если забыть, что художественный мир Распутина родился и живет под знаком нравственного максимализма.

«Без вины, а повинна» — так оценивает свое положение Настена Гуськова («Живи и помни»). И говорит мунду-дезертиру: «Плохо, значит, я тебя остерегала». Что до Ивана Петровича, то за ним нет даже и подобной «фамильной» вины, отторгнувшей Настену от сельского мира, бросившей ее, беременную, за борт лодки. Так откуда же это ощущение себя за бортом жизни? «Просто край открылся, край — дальше некуда». Хотя Иван Петрович даже и мысленно этого слова не произносит, но ведь то, на что он в муках решился (уволиться, податься к сыну, в края, где порядка, как сам убедился, куда больше) — это ведь, по его понятиям, тоже дезертирство. Во всяком случае — измена самому себе.

Финал повести способен смутить нашу житейскую логику. Куда это — рассветной ранью, оставив за спиной притихший после пожара поселок, одиноко держит путь Иван Петрович? Тут есть тонкое лукавство метафоры, облекшейся в зримую картину. В текучести ее смысла, в переливах красок и звуков ускользает от нас нота, вносящая хотя бы некую видимость разрешения в судьбу Ивана Петровича. А может, вовсе и не в пути он, в конце изработавшийся, меченный войной? И даже не на распутье, а у последней черты?

Так это или не так, но герой повести — при любом исходе — останется отныне с нами, читателями. Останется со всем горьким опытом своей жизни, со своими выстраданными истинами.

Если иметь в виду характер проблематики, угол зрения на современность, то можно сказать, что «Пожар» возник на той же литературной улице, что и абрамовский «Дом» (опять это многозначное слово-понятие!), чьи окна, как мы помним, были обращены не на одну солнечную сторону. Авторы этих книг роднит не только сыновняя привязанность к «малой» родине, но и та пристрастность, с которой ведут они «инвентаризацию» больших и малых прорех в здешнем хозяйствовании, та бескомпромиссность, с которой выставляют они на суд общественности плоды недоброго рвения разного ранга «временщиков», все то, что уродует лик родной природы, развращает людей, духовно обедняет их труд и быт. На страницах их книг нет пощады «микробу равнодушия» (как поименовал это общественное зло Федор Абрамов), пьянству, социальной безответственности.

Общность мотивов хорошо ощутима в книгах этих крупных мастеров русской прозы. Вспомним, что ведь и неистовый в работе Михаил Пряслин, представлявший нам до поры в ореоле чуть ли не былинной могучести, человек, без которого не обошлось, оказался вдруг, подобно Ивану Петровичу, белой вороной среди своих односельчан, предметом их неприязни. Он, непримиримый и очковитательству и рвачеству, — живой укор их совести, усыпляемой беспринципным деятельностью управляющего хозяйным отделением Таборского и его «шайки». И вряд ли можно удивлять то, что Распутину пришелся по душе (это засвидетельствовано им печатно) пафос широко известного абрамовского обращения к землякам «Чем живем-нормимся...», которое завершалось страстным призывом неотложно «навести порядок в собственном доме».

Произведения, подобные «Пожару» или «Дому», отнюдь не располагают к бездумному — впологлаза — чтению и не сулят душевного комфорта. Что ж, они, эти произведения, вполне ко двору нашему беспокойному, требовательному времени. Времени, когда в большом советском доме витает дух обновления и живительные сквозняки теснят застойное, замшелое. И реальные, по жизни идущие Иваны Петровичи и Афоны Бронниковы, а им несть числа по городам и весям державы, сегодня, надо полагать, куда лучше знают, как ответить на вопрос, мучивший распутинских героев после пожара: «Ты знаешь, что теперь делать, нет?» Нетерпеливое, требующее от каждого из нас бойцовских качеств время уже увело их от того рубежа, где они, эти герои, были оставлены писателем.

Н. ПОТАПОВ.